

МЫ И ОНИ

Михаил Сухарев

Развенчание индивида

Маргарет Тэтчер как-то раз вызвала скандал, заявив, что «такой вещи как общество, не существует». Общество, которого не существует, тут же возмутилось. Причём настолько сильно, что железной леди пришлось давать объяснения.

(«There is no such thing as society» - слова из интервью под названием "Aids, education and the year 2000!", напечатанного в журнале Woman's Own от 31 октября 1987 г. Резонанс был такой, что газета Sunday Times официально затребовала от офиса премьер-министра разъяснение (а по английским законам офис обязан отвечать на запросы от СМИ), которое было дано и опубликовано 10 июля 1988 г.)

Общество, действительно, штука непростая. Хотя многие превозносят общество и уверяют всех в своей верности народу (а народ - это ведь тоже общество?), однако зачастую не могут объяснить, что оно такое. Зато люди, которые общество не очень-то любят (зато любят все индивидуальное), легко вводят сторонников общества в ступор такими заявлениями: «а где можно увидеть это ваше общество?» «где можно поговорить с обществом?». Ну, и так далее. В общем, типа того, что общество - это слово такое, обозначающее нечто реально несуществующее, вроде «бессмертие». Слово есть, а бессмертия нет... Зато индивидов мы видим кругом просто толпы. Мы же сами все индивиды, разве не так?

Есть даже такой научный принцип «методологического индивидуализма», введенный Вебером, Шумпетером, Мизесом и рядом других экономистов и социологов.

Рискуя нарваться на ещё больший скандал, скажу: **не существует такой вещи как индивид**. Вот так прямо, с невиданной наглостью и безрассудством скажу миллиардам индивидов: вы не существуете. В ответ 99% индивидов закричат: посадите этого психа в сумасшедший дом до конца его дней!

И только 1% спросят: объясни, как же так? Ведь я же чувствую, что я есть! Хорошо, именно и только для них, предпочитающих понимать, а не орать, я постараюсь объяснить, старательно и по пунктам.

Начнем. Есть мудрость языка. Она обоснована тем, что языки существуют тысячи лет, и общества, которое пользуются этими языками, все еще живы в холодных лесах и знойных пустынях, среди воинственных соседей и природных катастроф; значит, их язык достаточно правдив, чтобы помогать им выжить..

Например, почему языки самых разных народов допускают, чтобы мы говорили: «моё тело»? Это значит, что тело - это не я; я - это нечто другое, некое «эго», которое этим телом владеет. В большинстве религий это *душа*, нематериальная сущность, которая не исчезает после смерти тела. Никто ее не видел, однако все мы временами, одни чаще, другие реже, чувствуем, что она все же есть.

По современным представлениям, душа - это, скорее, некий информационный комплекс, который в будущем можно будет считать из клеток мозга и переселить в андроида, снабжённого достаточно мощным процессором и памятью. Причем оригинал может остаться жить в старом теле.

При этом человек сохранит свою память, свои убеждения, свою историю и так далее. То-есть, останется сам собой (?), хотя и переместится в другое тело. Почему-то это кажется правдоподобным большинству людей, что лишний раз говорит в пользу того, что душу считают отделяемой от тела. Вероятно, люди исходят из той легкости, с которой идеи передаются от человека к человеку; но что такое «душа»? Большой комплекс идей. Ещё Норберт Винер писал, что теоретически можно передать человека по телеграфу.

Но посмотрим теперь, что это за информационный комплекс такой, из чего он состоит и правда ли, что все его части принадлежат индивиду. Сделаем, так сказать, «декомпозицию индивида».

Этот комплекс знаний и желаний, стремлений и опасений, верований и убеждений, эта многоэтажная система идей, основана на языке (или нескольких языках, которые человек знает), но не индивид придумал этот язык. Чаще всего он не придумал ни единого нового слова за всю свою жизнь. Очень немногим из людей удалось внести в язык новое слово и это слово стало использоваться всем народом или хотя бы профессиональным сообществом.

Этот комплекс включает в себя множество самых разных знаний (например, чему учат в школе: физики, химии, географии и так далее). Эти знания попадают в индивида именно с помощью языка.

Составляющими комплекса являются прочитанные за время жизни книги, просмотренные фильмы, услышанные от друзей и родственников истории. Часто от людей мы получаем знания, которых не вычитаешь в книгах.

Но это не личные индивидуальные идеи. Они получены человеком от больших или малых сообществ, которые гарантируют сохранение этих идей в веках, хотя случается и такое, что гибнут целые сообщества вместе с идеями.

Однако вероятность исчезновения сообщества, включающего тысячи или даже миллионы людей, в миллионы раз меньше вероятности гибели отдельного человека.

Не созданы индивидом, а потому не принадлежат ему, не только знания, но и большая часть его желаний. Почти все мечтания и стремления, кроме самых простых, биологических, внушены ему обществом: любовь к айфонам, мерседесам, желание стать блоггером или кинозвездой, написать бестселлер... ну, и так далее. Вплоть до любви к Богу или желания полететь на Марс. Ни до чего из этого 99,9% гордых индивидов сами додуматься не могли бы; да, конечно, немногим избранным удаётся придумать айфон, но кто из живущих ныне может похвастаться, что он придумал понятие «писатель»? Понятие «ученый»? Понятие «полководец»? Для того, чтобы хотеть полететь на Марс, нужно знать, что это - большая планета, а не звездочка на небе. Нужно знать, что возможны полеты за пределами атмосферы, что такое «реактивное движение», «атмосфера», «орбита» и так далее. Для того, чтобы понять это, трудились сотни талантливых людей на протяжении многих веков.

Может индивид придумать Бога? Наверно, да, на уровне деревянного идола. Но придумать Бога с религией, с его историей и космологией... Но самое главное: если каждый болван придумает себе бога, в которого никто кроме него не верит, так что это за бог? Что это за вера?

Индивид просто сначала видел какие-то мультики, где показывали космонавтов и ракеты, динозавров и фараонов, ему что-то внушали родители и преподаватели, потом он прочитал какие-то книжки и впустил таким образом в себя часть ноосферы, огромного идейного комплекса, сопряженного с каждым

народом. Собственно, он и стал человеком когда в нем поместилась часть культуры общества.

Но пойдём дальше. Ни создатель мерседеса, ни создатель айфона не смогли бы их вообразить, если бы пару тысяч лет назад Архимед и Пифагор, а несколько позже Ньютон и Лейбниц ... Ну, вы уже поняли. Идеи множества гениев живут в нашем сознании, формируя нашу личность. Что и позволяет нам комбинировать их идеи, прибавляя к ним свои новые, уже нами самими изобретённые элементы, и получать принципиально новые комплексы. Именно это имел в виду Ньютон, который сказал, что стоял на плечах гигантов... Иначе ему до создания законов движения потребовалось бы создать математику, придумать телескоп, научиться шлифовать линзы, провести многолетние наблюдения движения планет... да всей его жизни на это не хватило бы.

Создают культуру не только ученые, но и писатели, и композиторы... и неизвестные создатели народных песен, сказок, преданий, вышивных узоров, архитекторы избышек, церквей, площадей, изобретатели артелей и народных соборов. Включая неизвестных изобретателей топора, колеса, горшка и так далее... Все это наполняет наше сознание, дополняя к знаниям стремления, желания и идеалы, без которых знания бесцельны. Если у вас нет стремления взлететь над землей, приобретенного еще в детстве из народных сказок и песен, вы не будете рыться в кучах книг, набитых формулами, таблицами и графиками... Не стали бы это делать и Циолковский с Королевым, не захотел быть летчиком Гагарин...

Дело в том, что сознание - это не библиотека, в которой хранятся тысячи книг. Все эти знания способны к движению. Мы представляем себе как бежит Буратино, как скачут на конях мушкетеры... Можем вообразить что Емеля едет на печке по асфальтированной дороге со светофорами, перенося образы из одного времени в другое. Можем придумывать новые конструкции, соединяя придуманные другими винт, мотор и крыло.

Знание - это набор элементов, вроде детского конструктора, из которого мы можем в уме создавать мысленные конструкции. Но это не неподвижные фотографии или схемы; это скорее похоже на компьютерные модели, способные имитировать движение реальных объектов и предсказывать их поведение. Мы чувствуем как течёт вода, как прутик ломается в руке, как гнется железная лента... как магнит притягивает металл, как закипает вода на огне.

Эти мысленные динамические модели существуют у нас в голове, и подобные модели есть и у высших животных, они знают, что можно сломать, а что перегрызть и куда прятаться от холода. Но только люди могут двигать модели в сознании других людей, например, сказав: возьми четыре досочки и сбей их вместе гвоздями.

Мы можем вообразить соединение двигателя с телегой и получить автомобиль. Можем вообразить пучок электронов, летящий к положительному электроду в пространстве, из которого выкачан воздух, и создать электронную лампу. Можем вообразать небывалое. И мы можем сообщать изобретенное другим.

Но мы можем это сделать потому, что кто-то раньше догадался, что могут существовать электроны, а именно мельчайшие стандартные частицы, имеющие отрицательный заряд, а потом кто-то экспериментально доказал их реальное существование, и кто-то открыл вакуум, а кто-то рассказал нам об этом. Причем это не схемы нарисованные на бумаге, а образы, детали идейного конструктора, которые мы можем мысленно двигать и соединять в различные конструкции. Самое удивительное, что эти конструкции часть можно реализовать, превращать идеи в материальные вещи, и они работают так, как предвиделось.

Вот это уже внутренняя деятельность отдельного человека, индивида, но для кого этот индивид изобретает самолет, кино, железную дорогу? Для других, для общества (хотя и надеюсь на какую-то награду); причем ещё вопрос, что сильнее двигало изобретателем: маячащее в туманном будущем вознаграждение или же огонь творчества, горящий здесь и сейчас.

Итак, не индивид придумал свой язык, написал прочитанные книги, не он снимал врезавшиеся в память фильмы. Не он создал этот комплекс знаний, который живёт в его голове. Так что же он такое, как не часть культуры общества, которая довольно случайно собралась в памяти этого индивида?

Мы думаем словами, которые не мы придумали. Мы видим мир через понятия, не нами созданные. Если вы образованный человек, то глядя на Солнце, вы знаете, что это огромный плазменный шар, внутри которого идёт термоядерный синтез. И что Земля летит по орбите вокруг этого шара. А несколько тысяч лет назад все были уверены, что это Солнце движется вокруг Земли... потому что общество начинило мозг человека такими идеями.

Но без этих идей гордый независимый индивид даже не мог бы назвать этот сияющий источник тепла каким-либо словом. Ну, разве что, нечто промычать или пробубнить; причем каждый называл бы это по-своему.

Даже обладая мозгом современного человека, очень немногие смогли бы без языка и многолетних совещаний с другими придумать счёт, причём большинство дошло бы только до десяти (количество пальцев на руках), а уж додуматься до многозначных чисел, правил умножения и деления... нет, это требует коллективного мышления, постепенного накопления в общественном разуме-конструкторе изобретений множества людей и поколений.

Индивид, который полагает, что он думает исключительно своими собственными мыслями, похож на компьютер, который полагает, что это он создал систему Windows...

Все мы иногда слышим в уме знакомые песни... «Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому краю» или «Ой, мороз, мороз, не морозь меня, не морозь меня, моего коня» или «Где же ты теперь, воля вольная? С кем же ты сейчас ласковый рассвет встречаешь?» или вот, «Will you still need me, will you still feed me, when I'm sixty-four?»... И кто это поет? Это мы поем? Нет, мы слышим ИХ голос, ИХ слова...

Или когда считаем «раз, два, три...»? Это мы придумали цифры? Или это неизвестные индийцы и арабы, идеи которых оформил Аль-Хорезми, считают внутри нас?

Не пора ли понять свою душу как сложнейшую систему взаимодействующих идей, созданных миллионами людей за тысячи лет, которые двигались своими непростыми путями и встретились в нашем мозгу, создав уникальное созвездие, точнее - целую галактику?

Посмотрите, на русском языке публикуется около ста тысяч наименований книг в год. В Российской национальной библиотеке зарегистрировано около 5 миллионов изданий (названий) книг. Хорошо, пусть в среднем человеку доступно намного меньше книг, например, десять тысяч. Тот же очень средний человек успевает прочитать около 700 книг на протяжении жизни. Но у каждого человека это разные 700 книг. Так вот, если вы попытаете вспомнить «число сочетаний из n элементов по m », и посчитать сколько будет это число для $n = 10000$ и $m=700$, то обнаружите, что оно намного больше количества людей на Земле и даже больше количества звезд в нашей галактике.

Но ведь в душе есть много всякого кроме книг... поэтому сочетаний еще больше, поэтому душа каждого человек уникальна, и потому он может создавать небывалое, и в этом его ценность для своего народа или даже для всего человечества.

Последние достижения в области теории эволюции ведут к пониманию того, что сначала очень далекие предки людей, имеющие относительно небольшой мозг, создали примитивный язык, затем язык начал концентрировать знания на уровне племени, становясь культурой, а уже потом культура стала сильнейшим фактором эволюции, отбирая людей с большим мозгом, создавая огромные преимущества тем племенам и генотипам, которые лучше могли хранить и использовать знания, быстрее развивать свой язык. Это так называемый групповой отбор (см. также «социокультурный подход»).

Помимо «индивида» существует ещё такое понятие как «субъект», проникшее в российскую психологию из философии. Субъект понадобился философам чтобы понять, как человек познает окружающий мир (извлекает знания извне) и как он понимает что такое он сам. Этот субъект как бы «сидит» внутри индивида и смотрит вовне его глазами. Там он видит объекты. Многие из них неживые, их можно брать, переносить, что-то с ними делать, разбирать на части и изучать. Некоторые из объектов живые и могут убежать и даже кусаться. А некоторые из них - другие люди, такие же, как он. Конечно, даже ребенок, который еще не разговаривает, уже различает людей от, к примеру, собак. Для этого достаточно тех встроенных в мозг механизмов распознавания образов, которые есть и у той же собаки. Она ведь тоже прекрасно отличает собак от кошек или птичек.

Но потом человек должен научиться не только отличать людей от прочего живого, но и понять, что такое «человек». Встроить себя в картину мира. Но никто не в состоянии сам создать общечеловеческую картину мира, в которой есть разные континенты, страны, народы. В которой есть история мира. Есть представление о том, что Земля - это планета, что Солнце - это звезда, что другие звезды на небе - тоже огромные космические объекты, в которых идет термоядерная реакция... Собачке это никак не растолковать, даже если очень ее любишь...

Субъект должен понять, что человек разумен. Что он часть народа. Что человек что-то должен делать, а чего-то не должен. Что есть страна, в которой

он живет, и есть другие страны, и миллиарды других людей, говорящих на других языках. Сопоставить себя с другими, с похожими и отличающимися.

Только зная все это, человек осознает себя одним из этих миллиардов, правильно позиционирует себя в мире, понимает свои возможности двигаться и действовать в этом мире.

В отличие от собачки, которая знает только то, что видит вокруг себя, и не понимает, почему то или иное происходит так, а не иначе. Почему едет машина, почему светит солнце, почему идет дождь. Впрочем, многие индивиды тоже понятия не имеют о том, что под капотом машины, на которой они ездят, и как устроен айфон, по которому они разговаривают...

Но разве с помощью только своих мозгов этот индивидосубъект осознал себя таким человеком как другие? Осознал себя живущим на Земле, освещенной термоядерной реакцией в звезде по имени Солнце? Среди тысяч километров лесов, полей, пустынь и океанов? Наследником миллионов лет истории человечества? Частью народа, в котором были великие цари, воины, строители, ученые и поэты? Человек понимает себя как человек только с помощью той части духовности общества, которую он принял в свое сознание, которая и ЕСТЬ ЕГО СОЗНАНИЕ, он смотрит на себя умственными глазами общества, и других глаз у него нет и быть не может.

Нет, он смог понять себя только восприняв через язык, через родителей и учителей, изрядную долю общественного разума. Человек понимает кто он такой только с помощью усвоенных от общества умственных механизмов. Он стал человеком, впусив в себя долю общества. Когда он думает: «я человек», это ведь не только наименование. Это целый комплекс связанных идей: человек - это теплокровное позвоночное млекопитающее, тело которого состоит из клеток, у меня есть мозг, сердце, нервы, желудок... Я русский, у нас есть история, есть столица Москва, были цари Петр I, Александр I, Екатерина Великая, Пушкин, Толстой ...

Есть другие страны, Англия, Германия, США, Китай... где тоже живут люди... они говорят на других языках... И еще многие тысячи других идей.

Каждый раз, когда кто-то говорит «я человек», эти образы активируются в мозгу, готовясь связать это «я» с нужным образом. Что такое человек без всех этих идей, понятий, образов? Пресловутый сферический конь в вакууме.

Сообщу еще одну неприятную для индивидов вещь: разум не является свойством человека. Разум включает в себя три вещи: главную - способность создавать принципиально новые знания (то есть, *придумать* счет, а не посчитать овец, пользуясь счетом), вторую - способность создавать системы знаний, то-есть, начать от счета, создать правила сложения, умножения и деления, дифференциального исчисления... ну, и далее всю современную математику, и третью - способность знаниями пользоваться.

Физику, химию, биологию и другие науки создавали тысячи людей, а пользоваться ими, хотя бы для расчета нужного для пылесоса тока в сети 220 вольт, может каждый, окончивший среднюю школу и тем более университет.

Так вот, очень мало кто из людей создает хоть какие-то новые знания. Создать систему знаний можно только из уже добытых знаний, то есть, это уже коллективное творение и поэтому требует наличия языка, а это тоже социальный феномен. Язык не нужен отдельному независимому индивиду...

Есть такое понятие - метасистемный переход (В.Ф. Турчин). Суть его в том, что когда мы создаем систему из неких элементов, она получает некие принципиально новые свойства, которых нет у этих элементов. Например, атомы из элементарных частиц, молекулы из атомов, многоклеточные живые существа... Так вот, общество - это система из живых существ, которая так же отличается от них как волк от бактерии. Вот на этом переходе и возникает разум. Общество сильно отличается от предшествующих систем. Люди не связаны механически, как клетки в организме. Они связаны информационно (язык) и сотрудничеством (разделение труда, начиная с племен, а далее - экономика). Разделение труда вызывает разделение ума. Один умеет делать копьё, другой лодки, третий охотиться. Все это требует разных наборов знаний в голове. Кто-то из писателей сказал, что если бы мы видели не внешность людей, а содержание их мозгов, мы бы даже не отнесли их к одному виду существ...

Человек не может стать человеком вне общества, не получив свой объем знаний. Зато все нормальные люди способны знаниями пользоваться. Способны участвовать в разделении труда. И, очень важно и интересно, что при всей своей специализации мы способны понимать друг друга и приспособливать свои особые знания к знаниям других. Знания физика или химика к знаниям конструктора автомобилей и так далее.

То, что человек думает мыслями общества, имеет двойное значение: те новые идеи или комбинации идей, которые возникли у него в голове, могут в свою очередь стать мыслями всего общества.

Именно это имел в виду Пушкин, когда писал:

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит

Мысли и чувства человека, который умеет говорить (и особенно писать) становятся частью мыслей и чувств всего общества, в котором он живет (опять мудрость языка: человек живет не «на обществе» и не «под обществом», он живет *в* обществе). Наверно, для усиления этого процесса эволюция выработала врождённое стремление человека поделиться сделанным открытием, которое мы часто наблюдаем у детей.

О похожих вещах говорил Иосиф Бродский в своей нобелевской лекции:

«Человек принимается за сочинение стихотворения по разным соображениям: чтоб завоевать сердце возлюбленной, чтоб выразить своё отношение к окружающей его реальности, будь то пейзаж или государство, чтоб запечатлеть душевное состояние, в котором он в данный момент находится, чтоб оставить - как он думает в эту минуту - след на земле. ... Но независимо от соображений, по которым он берётся за перо, и независимо от эффекта, производимого тем, что выходит из под его пера, на его аудиторию, сколь бы велика или мала она ни была, - немедленное последствие этого предприятия - ощущение вступления в прямой контакт с языком, точнее - ощущение немедленного впадения в зависимость от оно́го, от всего, что на нем уже высказано, написано, осуществлено. ... Зависимость эта - абсолютная, деспотическая, но она же и раскрепощает. Ибо, будучи всегда старше, чем писатель, язык обладает еще колоссальной центробежной энергией, сообщаемой ему его временным потенциалом - то есть всем лежащим впереди временем. ... Поэт, повторяю, есть средство существования языка. Или, как сказал великий Оден, он - тот, кем язык жив. ... Пишущий стихотворение пишет

его потому, что язык ему подсказывает или просто диктует следующую строчку».

Именно поэтому далеко не всегда следует отождествлять поэта с его стихами, так же как и актера с сыгранными им ролями. Так же как актер играет великого вождя или полководца, заурядный поэт ухитряется иногда поймать токи языка и написать нечто востребованное массами и ставшее популярным.

Но только великие поэты понимают, что это творил живущий в них язык... Что нет отношения «я и общество», а есть общество во мне. Больше того, я носитель части общества, а в результате моя деятельность - это деятельность общества, и без этой части я просто животное. Именно поэтому поэт - средство существования языка и орудие этого языка. Но великие языки создают великих поэтов, которые продляют в будущее жизнь этих языков и, тем самым, жизнь народов, на них говорящих.

Что ученые думают об индивидуализме

Те идеи, что я изложил в первой части, не являются какими-то сложными многоступенчатыми логическими построениями, они вполне очевидны при применении сравнительно небольших умственных усилий.

Но почему же повсеместно превозносится этот «свободный и независимый (от здравого смысла) индивид»? Неужели никто не мог обратить внимание на противоречия?

Попробуем вникнуть в историю вопроса.

Если вы возьмёте Платона или Аристотеля, то никаких «индивидов» вы там не найдете. Для них было очевидно, что человек есть часть общества. Их больше интересовало соотношение тела и души. Для древних «душа» - это и есть тот «информационный комплекс», о котором мы говорили в начале. «Но значит, телом управляют совместно душа и тело, и это и есть человек?» Но, поскольку телом управляет душа, то она и есть главное в человеке. Сократ и за ним Платон вообще придерживались мнения, что человек наделен бессмертной душой которая после смерти возвращается в Аид и пребывает там тысячу лет, после чего реинкарнируется в новом человеке.

Причём эта душа универсальна и обладает всеми знаниями, но они скрыты, доступны только некоторые из них, присущие данному человеку.

Человек должен быть умственно активным, и тогда он «припоминает» скрытое, что Сократ изобретательно доказывал на математических примерах.

То есть, по понятиям древних философов, душа человека, его сущность, не является его собственностью, а представляет собой некий вечный дух, связующий множество временных материальных тел.

А вот что писал Декарт: «Когда я обращаю острие своей мысли на самого себя, я не только понимаю, что я несовершенная вещь, зависящая от кого то другого, - вещь, неограниченно устремляющаяся все к большему и большему, то есть к лучшему, - но и понимаю, что тот, от кого я зависю, содержит в себе это большее... актуально, как нечто бесконечное, и потому он - Бог».

Так и вспоминается Бродский, у которого поэт является орудием языка.

Более ясно выражался Дюркгейм: «В каждом из нас есть... две формы сознания: одна, общая для всей нашей группы, которая, следовательно, есть не мы сами, а общество, живущее и действующее в нас; другая, со своей стороны, представляет то, что есть в нас личного и отличного, то, что делает нас индивидуумами».

Следует только отметить, что «личного и отличного» в нас очень и очень немного, если сравнить с объёмом общественных знаний в нашей голове.

Маркс выразился так: «Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений». Именно так; человек создается всеми своими связями, и умственными, и физическими, со всеми окружающими людьми, причем зачастую опосредовано: через книгу, журнал, телевизор, через пользование вещами, через деятельность, чужую и свою.

Я здесь не пишу здесь о каких-то сугубо специальных знаниях, доступных только посвященным. В принципе, все это всем известно и очевидно. Но почему об этих вещах не очень часто говорят?

Посмотрим, что об индивидуализме пишут разные ученые, хотя тема это не очень для них выигрышная; в рамках насквозь индивидуалистического общества разоблачать индивидуализм довольно невыгодно.

Однако то и дело находятся бесстрашные борцы за истину. Вот что писал Ян Смэтс (военный министр, министр юстиции, премьер-министр Южно-Африканского Союза) в своей книге «Холизм и эволюция» 1926 года издания, до сих пор не переведенной на русский язык: «Чистый индивидуализм –

вводящая в заблуждение абстракция; индивид осознает себя только в обществе, осознавая других, подобных ему; сама его способность к концептуальному опыту проистекает главным образом из использования языка, являющегося социальным инструментом. Социальное целое создает индивидуума, и весь его опыт и знания в конечном итоге направляются характером регулирующего порядка и общности. ... Я бы никогда не осознал себя и не осознавал свою отдельную индивидуальность, если бы я не осознавал других, таких как я: сознание других «я» необходимо для осознания себя или самосознания. Следовательно, индивид возникает в социальном опыте. Более того, благодаря использованию исключительно социального инструмента - языка я поднимаюсь над простой непосредственностью опыта и погружением в свой текущий момент. ... Таким образом, весь развитый мыслительный аппарат, с помощью которого я измеряю вселенную и собираю неисчислимое богатство личного опыта - это не моя индивидуальная собственность и орудие, а социально развитый инструмент, которым я делюсь с остальными своими братьями. Нет, я сам, настолько уникальный по видимости, как я уже говорил, в значительной степени являюсь социальной конструкцией и произведен от социального общения и психического взаимодействия с моими братьями. Индивидуальное Я или Личность опирается не на свои индивидуальные основы, а на всю Вселенную». Может, потому и не переводят на русский язык эту весьма знаменательную книгу?

Финский философ Раймо Туомела указал на простую вещь: человек может думать от себя лично, и от группы, легко переключаясь от индивидуального к групповому мышлению. Он писал: Согласно теории Мы-модальности, думать (то есть иметь установку) и действовать в Мы-модальности означает думать и действовать всецело как член группы. Думать и действовать в Я-модальности означает думать и действовать как индивид или частное лицо (даже в контексте группы). Он мог бы задать вопрос: «Что мне следует делать в данной ситуации?», - в то время как вопрос человека, действующего в Мы-модальности, будет звучать как: «Что нам делать в данной ситуации?»

Каждый человек легко может это понять, потому что каждый десятки раз в день переключается из одного состояния в другое, когда говорит, например: «я пошел на работу» или «мы придем к вам завтра», имея в виду свою семью

или группу коллег. Мы-мышление, видимо, генетически встроено в мозг человека, члена племени, происходящего от стада. Причем «мы» - это может быть «наш завод», или «наш дом», или «наш город», или даже «наша страна»; и все эти «мы» могут что-то предполагать или чего-то желать.

Ясно, что не каждый член семьи, работник завода или гражданин страны хотят одного и того же; но часто этого желает абсолютное большинство и каждый, кто живет внутри этого сообщества, прекрасно представляет, чего оно желает.

Дэни Страусс, южноафриканский ученый, который основательно изучал отношение индивида и общества, пишет: Противопоставление личности и общества лежит в основе теоретического мышления об условиях человеческого бытия. По-видимому, взгляды на социальное взаимодействие становятся жертвой двух противоположных позиций: позиции социологического индивидуализма и позиции социологического универсализма.

Для номинализма характерно утверждение, что государство, фирма, церковь и другие общественные целостности являются простыми понятиями или именами (*nomina*), посредством которых наше понимание, замещающим образом, отсылает к тому, что действительно существует только в действительности, а именно индивидов. (это к тому, что для номиналистов общество в реальности не существует).

Далее Страусс критикует Гидденса: «Гидденс прямо обращается к этой проблеме, когда задает вопрос: «Являются ли коллективы действующими лицами?». Хотя он признает, что описания действий и описания взаимодействий не могут быть даны «исключительно в терминах индивидуальных предикатов», он решительно считает, что «действующими являются только индивидуумы, существа, имеющие телесное существование». Гидденс говорит, что заявление типа «правительство решило проводить политику X» является только «стенографическим описанием решений, принимаемых отдельными лицами».

Затем Страусс обращается к старым теоретикам социального, обширно цитируя континентальных (особенно довоенных немецких), ученых (и это не случайно; их философия сильно отличалась от английской): «Общество характеризуется социальной волей как согласием, обычаями, нравами и религией; общественной волей как конвенцией, законодательством и общественным мнением».

Дальше Страусс цитирует знаменитых социологов Лукмана и Бергера, авторов книги «Социальное конструирование реальности», которые подчеркивают ту же точку зрения: "Одинокое человеческое существо находится на животном уровне (который, конечно, человек разделяет с другими животными). Как только человек наблюдает явления, которые являются специфически человеческими, он попадает в сферу социального».

Кому выгодно поддерживать миф индивидуализма?

Завершая этот небольшой обзор, который можно было бы продолжать, можно подвести итог: миф индивидуализма давно был развеян целым рядом достаточно авторитетных ученых, и при этом ничего серьезного в ответ на это индивидуалисты не смогли сказать.

Это не какие-то социалистические ученые, а вполне себе западные и даже довольно известные (Дюркгейм, тот вообще один из основателей социологии).

Так почему же индивидуализм господствует в нашем мире? Кто заинтересован в том, чтобы дурить миллиарды людей? Кто поддерживает теорию общественного договора, по которой индивиды создают общество? В то время, когда и жизнь, и история говорят о том, что это общество создает людей, таких, каких ему надо и столько, сколько ему надо.

Конечно, были случаи, когда переселенцы создавали новое общество «с нуля», например, в Америке.

Но. Они приезжали туда, уже будучи сформированными обществом. С языком, знаниями, религией и представлениями о справедливости. Которые не создавались каждым из них по отдельности, а были воспитаны в них обществом, из которого они происходили.

Значит, есть какие-то силы, которые веками борются с общинностью и пропагандируют индивидуализм. И силы немалые, ибо чтобы столетиями убеждать население в ложном, требуются большие усилия.

Посмотрим на всю эту историю немного со стороны.

(далее следуют не подтверждённые научными исследованиями рассуждения автора)

Многие антропологи уверяют, что первобытный человек не выделял себя из племени (синкретизм личного и общественного). Действительно, жизнь

человека в первобытном племени была сильно связана с другими, все очень хорошо знали, кто его родители, в каком шатре или юрте он живет, кто его друзья, знали характер и предпочтения каждого.

Это сейчас в городе мы видим проходящих мимо людей, и это для нас некие абстрактные «человеческие единицы»; мы не знаем их имен, занятий, увлечений. Во времена племён человек не только знал всех вокруг, но знал, что и они знают его, как говорится, с головы до пят.

Как и всякое сообщество, ведущее общую жизнь (то есть, в первую очередь, самовоспроизведение, включая добычу необходимого вещества из окружающей среды, защиту от непогоды, рождение и воспитание детей, ему необходимо было принимать общие решения.

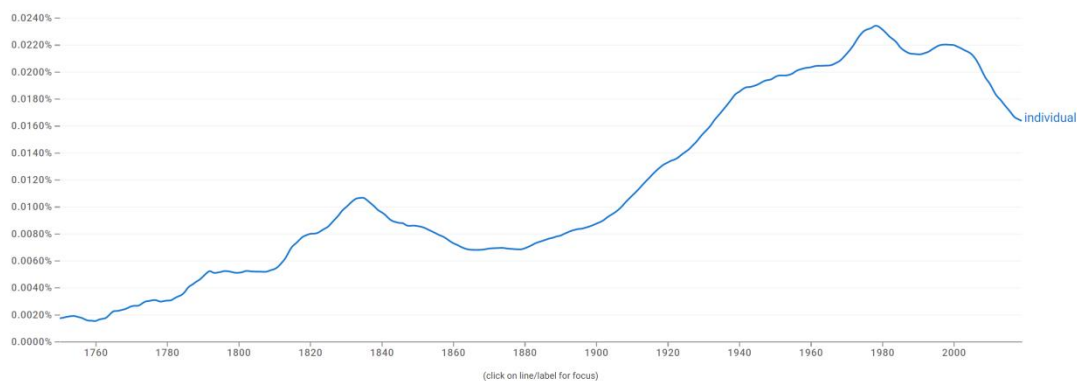
Организация процесса принятия решений требует создания определённых общественных структур и технологий; так, если создается совет, то нужен порядок выдвижения людей в этот совет, порядок созыва этого совета, порядок его работы. Почти всегда это сопровождается выдвижением председателя этого совета, который обычно одновременно являлся вождем племени. Зачастую был второй важный участник, местный мудрец или шаман, хранитель знаний. Могли быть и другие (например, старший охотник или мудрая женщина), но общее их количество вряд ли превышало три-пять человек.

Так вот, сама руководящая роль этих людей начинала выделять их из общей неразличности. Одновременно эта слитность общины начала мешать управлению, трудно влиять на всех сразу. И они начали разбивать общину на единицы, выделяя примерных учеников и непослушных хулиганов, приближенных и остолопов.

В дальнейшем, со становлением земледельческого общества, а затем и крупных хозяйств (север из-за низкой продуктивности и лесов сохранял семейное и общинное земледелие вместе с синкретизмом), понадобились взаимозаменяемые, стандартизированные работники. Личные особенности человека становились помехой, его начали унифицировать.

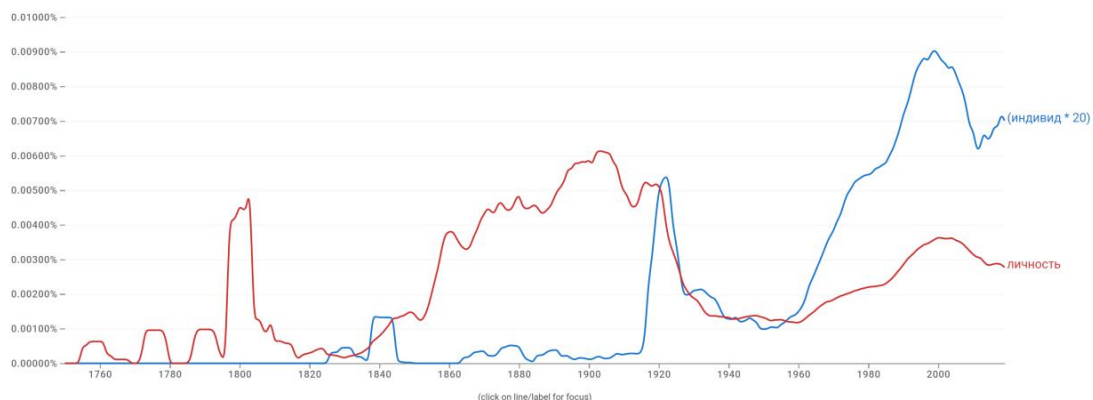
И в полной мере индивидуализация расцвела при капитализме по очень важной причине: концентрация производства требовала создания заводов все большего размера, использующих труд все большего количества рабочих, которых требовалось разобщить, сделать «индивидами» для того, чтобы проще ими управлять.

Вот график частоты использования слова *individual* в книгах, изданных на английском языке с 1750 по 2019 год (по данным Google Books Ngram Viewer):

На графике показано не абсолютное количество употреблений слова *individual* в книгах, а частота его использования относительно общего количества слов в тексте. Падение индивида после 1837 года связано, возможно, с ослаблением капитализма в ходе банковского кризиса в США (паника 1837 года). Интересно также падение индивида на многих языках (английский, немецкий, французский, испанский) в районе 2000-2010 годов.

А вот такой же график для России (слова «личность», «индивид»):

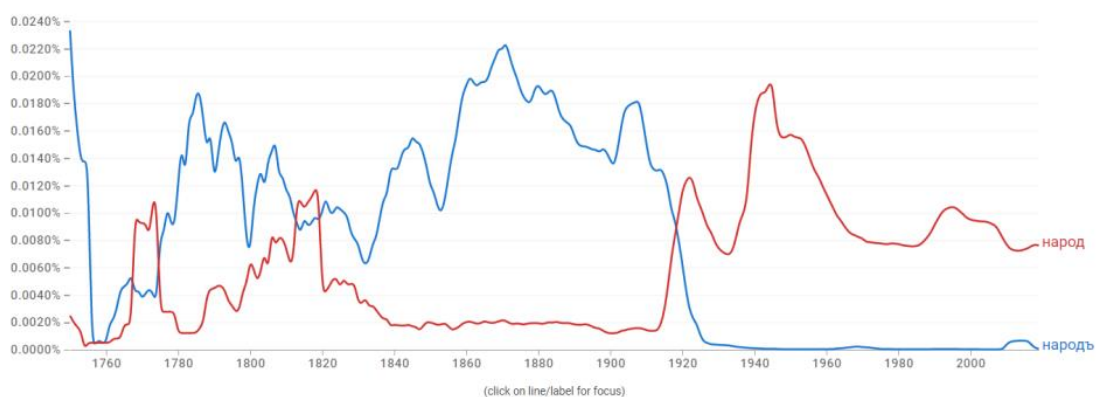

До XX века в России слово «индивид» почти не употреблялось; чаще говорили «личность». Слово «индивид» распространилось вместе с распространением переводной литературы; кроме того, оно более конкретно указывает на «особливость» данного человека, чем «личность». Личность может быть и «темная», и «светлая», и «подозрительная», а индивид конкретно индивидуален. Интересен пик «личности» в районе 1800 года, думаю, он связан

со славой личности Наполеона, пробудившей надежды на подъём других личностей, а обвал пика - с его вторжением в Россию.

После всплеска 1921 года (НЭП) видим резкое падение «индивида» в условиях индустриализации. Индивиды заводов не строят. Заводы строят бригады и коллективы. Даже в 2000 году, в условиях победившего рынка, «индивид» встречается почти в пятьдесят раз реже, чем в США (0,00045% против 0,022%).

Вот еще одна замечательная картинка (частота употребления слова «народ», до реформы орфографии 1918 года - «народъ»); трудно сказать, откуда довольно часто встречающийся «народ» без «ъ» до революции - или ошибки типографов, или ошибки Гугла при оцифровке):

Три пика упоминаемости «народа» в печатных текстах на русском языке - это три войны: русско-турецкая 1768 года, Отечественная 1812 года (лучше видны на красном графике) и Великая отечественная 1940. Можно предположить, что частое употребление слова «народъ» в период 1860-1900 годов связано с отменой крепостного права и ростом слоя «разночинцев». К тому же, надо напомнить, у нас существовала формула «православие, самодержавие, народность» (С.С. Уваров, 1833). Странно, но закономерно, что проигранная война 1914 года не сопровождалась заметным ростом употребления слова «народ».

Интересно, что «яма» по упоминаемости народа началась сразу после смерти Сталина, а самое дно пришлось почти точно на годы правления Брежнева. Небольшой холмик после 1985 - это волна горбачевской демагогии.

Кто же такие «мы» и кто же такие «они»?

Все просто: «мы» - это те, кто понимает, что каждый из нас - часть общества, что мы - часть народа, потому что несем в себе часть его культуры, что народ создает нас, а не мы - его, но при этом он слагается из нас и без нас народа не будет. Но при условии, что мы несем в себе дух этого народа, а не променяли дух на колбасу или даже серебряники, иначе может случиться такое, что индивиды есть, а народа нет.

«Они» - это те обманутые, которые не понимают своего происхождения, те, кто неспособен понять простую истину: невозможно быть независимым от общества, даже скрывшись на необитаемом острове, вы будете нести его часть в себе. Есть один способ избавиться от общества в себе - стереть в своей памяти все, что получено от общества, забыть язык и все знания, которые не добыты лично вами, и тогда вы станете настоящим индивидом...

«Они» - это еще и те, кто специально внушает обманутым индивидуализм с простой целью: управлять разобщёнными индивидами гораздо дешевле! Чаще всего они сами не понимают, что они делают; просто «по жизни» как-то так все само получается.

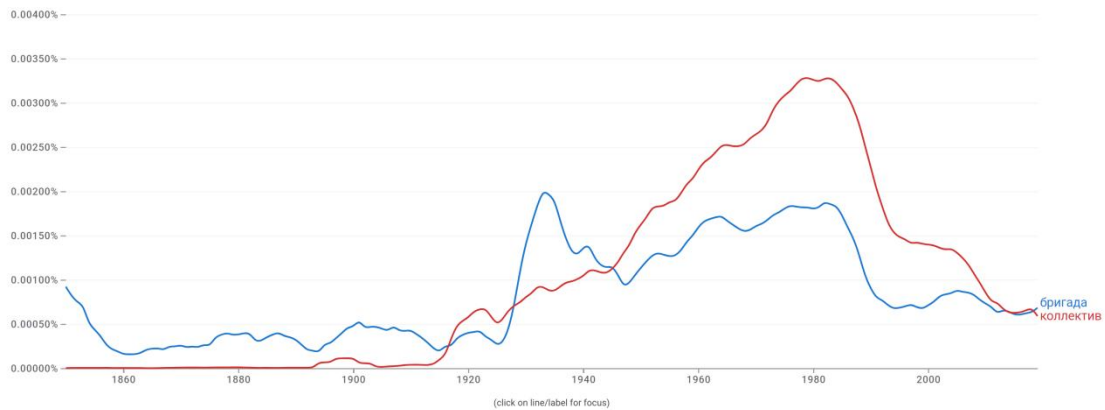
Нужно было натравить Васю на Петю чисто для решения текущих управленческих задач, а в результате было два члена бригады, а стало два независимых индивида.

Но это в самых низших слоях управляющих, а на горных вершинах богатства и власти много людей, которые творят индивидов вполне сознательно.

Огромные деньги израсходованы на насаждение индивидуализма; поскольку индивидуализм - это величайшая ложь, одна из самых больших в истории человечества, убедить в этом массы было сложно и потому дорого.

Капитализм редко действует силовыми методами, тюрьмой и расстрелами. У него более эффективный способ: профессор или журналист, выступающий против лжи, будет просто лишен финансирования, лишен возможности преподавать или публиковаться. И все они это отлично понимают... сейчас эта метода прекрасно работает у нас в России...

Ну, и что из всего этого следует? Да все следует, все абсолютно. Из гордых независимых индивидов не сделаешь армию, они разбегутся при первой опасности. Не получится из индивидов бригада или коллектив. Кстати, вот еще одна картинка из Гугл-Нграма:

Еще раз подчеркну: нашей целью не является растворение личностей. Развитие общества происходит через инновации, изобретения, открытия. А кто может все это делать? Это могут делать люди с нестандартным складом ума, который неизбежно возникает в результате комбинации в данной конкретной личности уникального набора идей из общенародного хранилища культуры.

Нужно ли обществу развитие? Есть такие «консерваторы», которые хотели бы это общество закатать в консервы. Но общество, которое не развивается, отстает и становится беззубой добычей против пушек и ракет обществ, которые успели развиваться раньше. Смотрите, что сделали англичане с огромными Китаем и Индией. Вот и получается, что чтобы сохраниться, нужно изменяться.

Поэтому общество должно ценить и уважать вождей, мыслителей, ученых, изобретателей, писателей, художников, музыкантов, атаманов, бригадиров ... и прочих уникалов.

Вот только пусть не забывают, кто сделал их людьми, откуда все их базовые знания и умения.

Но как же коллективам и личностям победить индивидов, руководимых специалистами по манипуляции, в условиях рынка? Всякая общая деятельность волей-неволей требует руководства, которое немедленно начинает сваливаться в манипуляцию людьми. А в условиях рынка главный руководитель - это владелец, капиталист.

Для него власть и капитал - это две стороны одного процесса, а власть - это не что иное как право (и возможность, не всегда совпадающая с правом) управлять другими, он не может допустить самостоятельности и

свободомыслия подчиненных. Работники спонтанно норовят превратиться в коллектив в силу своей человеческой природы, происходящей из племени. Но хозяин борется за фактическую власть, подкрепленную собственностью, поэтому он должен все время дробить коллектив на индивидов.

Все это хорошо работает на старых предприятиях типа конвейерных производств или строек с большим количеством ручного труда. Но в настоящее время все больше нужны цифровые технологии, робототехника, молекулярные и биотехнологии. Нужны думающие сотрудники, которые к тому же способны к распределенному мышлению (Эдвин Хатчинс).

Другой путь - это народные предприятия, создаваемые на кооперативных или артельных принципах, где владельцами предприятия являются работники.

Движение employee ownership вполне себе развито в «индивидуалистических» США и почти отсутствует в «коллективистской» России (см. американский национальный центр Employee ownership <https://www.nceo.org>).

Вот текст с этого сайта: Что такое Культура владения?

Практически каждая компания ESOP хочет иметь сотрудников, которые думают и действуют как сотрудники-владельцы. Убедительные исследования и многолетний опыт показывают, что ответственность сотрудников на самом деле является мощным инструментом повышения корпоративной эффективности – но только тогда, когда в компаниях существует «культура собственности», в которой сотрудники думают и действуют как собственники. Это намного важнее, чем быть вежливым с клиентами, сокращать количество отходов, приходить на работу вовремя и даже усердно трудиться на работе.

Исследование показывает, что эффективная культура собственности - это та, которая генерирует множество идей у хорошо информированных и вовлеченных в работу сотрудников. Компании, в которых царит культура высокой вовлеченности и генерирования идей, обеспечивают дополнительный рост на 6-11% в год по сравнению с тем, что прогнозировали их предыдущие показатели по отношению к их отраслям.

Почему же в России так мало кооперативных предприятий? Потому что мы - страна периферийного капитализма, которому метрополии не позволяют подниматься на уровень сложных технологий и наукоемких производств.

Может ли значительная часть экономики быть государственной, а следовательно, мало подверженной давлению конкуренции? Рынок не нужен в масштабных производствах сравнительно несложных продуктов, типа металлургии или энергетики. Там вполне возможен контроль качества на основе объективных показателей, продукция не очень разнообразна (в сравнении с одеждой, например) и меняется не слишком часто. Это вполне могут быть государственные предприятия, многотысячные коллективы с продвинутыми руководителями, которых достаточно обучить эффективной коммуитарности. Раз и навсегда. И которых не так много, чтобы за ними не успевало следить общество в форме государства.

Но есть масса продуктов, нужных сотням миллионов самых разных людей с самыми оригинальными представлениями о том, что им нужно.

И тут нужны небольшие предприятия, руководитель каждого из которых часто мнит себя Наполеоном. Как сохранить равновесие между коллективом и боссом? Который кричит, как в американских фильмах, «ты сгорел!» (в смысле - ты уволен).

Есть тонкости. Дело в том, что продукция становится все сложнее, детали должны изготавливаться все более точно и из большего количества материалов. В результате бестолковый и стандартный исполнитель больше не нужен, бурлаков (от которых не требовалась изобретательность и точность) гораздо дешевле заменить дизелем.

Отсюда появляются более продвинутые методы. Вот например, что пишут про вполне эффективный японский стиль (<https://psihdocs.ru/yaponskij-stile-upravleniya.html>):

«Японский менеджмент основан на коллективизме ... Прежде всего, чувство долга перед коллективом ... японцы всегда мыслят от имени групп ... в Японии фирма считается органическим целым, живым организмом, наделенным душой. ... наделение подчиненных правами стимулирует всестороннее развитие их способностей и активизирует их творческие возможности ... руководитель является воспитателем своих подчиненных ... требуется наделение подчиненных необходимыми правами, позволяющими им решать вопросы по своему усмотрению, но с учетом общей стратегии фирмы».

А бригады и артели Вадима Туманова? «С тех пор как мы создали на Колыме первую старательскую артель, стало очевидным, что люди,

объединенные по доброй воле, арендуя или покупая технику, чувствуя себя хозяевами, работают в три-четыре раза производительнее, чем на подобных государственных предприятиях» (из интервью). Может, он японец? вроде, нет.

Для тех, для кого солнце встает на западе, скажу: есть такое направление в менеджменте, в том числе, таких модных технологиях как Agile и Scrum, которое называется Servant Leadership (я бы перевел это как «лидерство служения», а не лидер-слуга, как это часто делают).

Лидер служения в первую очередь стремится развивать своих сотрудников, а не командовать ими, стремится создать из них коллектив единомышленников, которые в дальнейшем будут представлять собой самоорганизующееся сообщество, способное создавать внутри себя группы из людей, которые ориентированы на решение той или иной задачи, проявляют собственную активность в поиске решений и требуют минимального руководства, оставляя лидеру возможность заниматься стратегическими проблемами. Через некоторое время в коллективе появляется еще несколько человек, способных работать на стратегическом уровне.

Но если мы посмотрим на методы работы С.П. Королева, то увидим, что лидерство служения было известно еще до Р. Гринлифа...

Почему эти коллективные методы работы активно развиваются на индивидуалистическом (по слухам) Западе? Не только потому, что это «родовая сущность человека» (К. Маркс). Но потому, что техносфера, «вторая природа», становится все сложнее. Современный автомобиль содержит на порядок больше деталей, чем автомобили начала XX века, и каждая из этих деталей сложнее предшествовавших. Более точно изготовленная деталь сложнее такой же, изготовленной не так точно. Почему? Потому что одна имеет диаметр 15 мм, плюс-минус лапоть, а другая 15,1 мм, плюс-минус 0,01 мм. Здесь две цифры в описании, а тут три, и таких чисел в чертеже много. Значит, более точная деталь содержит больше информации.

А если речь идет о процессоре, в котором более миллиарда транзисторов? В котором множество сложных внутренних структур? Каждую из них проектируют десятки или даже сотни человек (с помощью мощных АРМ), и, раньше чем проектировать, они должны представить себе общий план этой структуры и, более того, согласовать ее работу с командами, разрабатывающими остальные. То есть, они должны создать мысленную модель

будущего процессора, распределенную в головах множества разработчиков, целостность которой поддерживается коммуникацией между ними.

Они вместе составляют что-то вроде многопроцессорного суперкомпьютера, и для хорошей работы они должны доверять друг другу и хорошо относиться друг к другу, иначе вся эта система начнет сбоить.

Процессор (CPU) Intel Core i7-13700 (с сайта Информационные технологии для экспертов, <https://www.pc4xp.ru>)

Поэтому коллективные субъекты артельного типа, подержанные цифровыми системами - это производственные единицы экономики будущего. Но каждый человек при этом оказывается включен в систему не механически, как рабочий на конвейере, но и когнитивно, на уровне согласования мыслительных процессов, а это совсем другой образ взаимодействия (конечно, полностью от козлов в коллективе избавиться непросто).

Очень интересный взгляд на научную деятельность открывает нам философ И.Т Касавин: «Научное призвание в этом контексте выступает как дар (божественный или инициированный учителем). И этот дар требует ответных даров – ученый обязан одарять знаниями своих учеников и всех окружающих. В пределе его обязательства состоят в трансляции не только знаний, но и дара призвания, на чем зиждутся бескорыстные отношения внутри науки и вовлечение в нее новичков. Однако дар являет себя и другой стороной: это тяжелое бремя, которое не всякому по плечу. С одной стороны, он предоставляется безвозмездно, с другой – его нельзя отвергнуть; он дается без просьбы, но его не получится и принять в точном виде; он отдается, но и сохраняет в себе требование возврата. ... Избранность как одаренность ставит

человека в зависимость от дара, которым нужно поделиться, но от которого невозможно избавиться. Дар создает бескорыстные отношения и служит основой солидарности; дар порождает зависимость, зависть и разобщение».

Развитие высоких технологий, все большее освобождение людей от тяжелого физического труда и движение развитых государств к экономике знаний ведет к тому, что наиболее передовые фирмы вынуждены превращаться в сообщества единомышленников, в инновационные артели, где лидер ведет за собой коллектив, и не просто ведет, а постоянно развивает его членов и сообщество целиком, не опасаясь, что кто-то со временем превзойдет его самого.

Так победим!

Что мы должны сделать здесь, в России? Мы должны всячески распространять и поддерживать культуру предприятий, основанных на общинных правилах, артельных и кооперативных, в которых собственность работников составляет основную часть капитала.

Для чего это необходимо? Для повышения производительности труда. И не только количественно (сделаем 100 сковородок в день на человека вместо 50), но и качественно (1 человек сделает эти 50 сковородок, которые раньше делали двое, а освободившийся сделает два смартфона).

Почему артель сделает это быстрее капиталистического предприятия? Потому что интерес сотрудников в рационализации и развитии производства будет больше, чем у наёмных работников, потому что они будут совладельцами предприятия; это будет то, что они предпринимают вместе.

Но для того, чтобы это работало, нужно применять специальные технологии организации локального сообщества этого предприятия. Нужно внедрять японские практики, когда каждый работник подаёт предложения по усовершенствованию процесса, нужно применять изобретения бригадного подряда, метод Водянова, попробовать понять (остались же какие-то воспоминания, дневники, письма, интервью) организации процесса в бригадах Туманова, и так далее.

Для этого следует озадачить гуманитарные науки сбором и изучением всех мировых (и в первую очередь, российских) методов организации артельных предприятий, культуры взаимоотношений людей, способов принятия решений, техник межличностной коммуникации, психологии совместного творчества.

Следует изучить, как устроены и работают мондрагонские кооперативы, киббуцы, индийская община, employee ownership, holistic management, servant leadership, panarchy, adaptive management, и так далее, извлечь все лучшее и на государственном уровне бесплатно вести обучение всех желающих коллективов.

Все это нужно соединить с новейшими цифровыми технологиями поддержки принятия решений, коллективных обсуждений, создания цифровых двойников своих предприятий или поселений, электронной демократией и так далее.

Собственность - это не только право купить, продать, использовать. Для самовоспроизводящейся эволюционирующей системы это (а ведь предприятие - такая система) еще и право управлять его развитием, строить для него картину желательного будущего.

Эти практики быстро распространятся на управление домами и территориями, на которых проходит жизнь людей.

И затем на управление своими областями и республиками, а далее - на управление всей страной.

Вот чего не дал советский социализм жителям СССР. Если бы люди сами управляли своей страной, она была бы совсем другой, намного более богатой и справедливой. А самое главное - быстрее развивающейся культурно, научно, технологически и экономически, так, чтобы даже обыватель не завидовал жизни в других странах, а работники и творцы могли гордиться общими достижениями.

Тогда страны «соцлагеря» не стремились бы сбежать из него, а напротив, все прочие страны желали бы включиться в этот лагерь.

Здесь возникает еще одна тема: это коллективный субъект, также запрещенный к исследованию в рамках либеральной парадигмы.

Почему? Да прежде всего, потому что самый страшный для либералов коллективный субъект - это народ. Он должен быть разделен на независимых и притом эгоистичных индивидов. А самый страшный для капиталистов - это коллектив предприятия. Никаких профсоюзов, только отдельный наемный работник, трясущийся за свое место.

Но не для всех лидеров страшен коллектив. Есть лидеры атаманского типа, способные вести коллектив за собой. Лучшие из них не боятся того, что люди в таком коллективе начинают развиваться и уметь.

Многие руководители бюрократического типа этого очень боятся; еще в советские времена был такой эффект, что после защиты докторской диссертации кем-то из сотрудников института он тут же становился объектом нападков и изоляции со стороны директора.

И как вы думаете, какое предприятие будет эффективнее? С лидером места и разобщенными индивидами, или коллектив с лидером служения во главе?

Но лидерство служения, о котором я говорил, могут возглавить только люди, которые не только чувствуют себя сильными, но и готовы отдать управление при условии, что новый лидер будет полезнее для дела, чем он сам.

С другой стороны, культура коллектива должна хранить память о всем том, что уступивший свое место предыдущий лидер сделал для развития своего коллектива, своего коллективного субъекта.

Если значительная часть предприятий страны перейдет в модель артели с лидерами служения (атаманами) во главе при сохранении конкуренции (которую можно обеспечить не только рыночными методами), то мы скоро обеспечим очень быстрый экономический и технологический рост.

Перенеся эти методы на управление своими поселениями, мы получим небывалое повышение качества жизни, в том числе, за счет более эффективного использования средств, сейчас расходуемых ужасно неэффективно.

Наконец, обученные здоровому и разумному коллективизму люди быстро перенесут эту модель на управление государством в целом, что сделает наш народ настоящим коллективным субъектом, планирующим будущее своей страны на эпоху вперед.

Мы можем в исторически небольшой срок усилиться настолько, что никто не посмеет указывать нам, как нужно или не нужно жить и устраивать свои дела.